

ДЖЕЛЛИ-БИН, МОЕМУ
БЕСПОЩАДНОМУ ЧУДИЩУ СНА,
ПОЧЁСЫВАНИЙ ЖИВОТА
И БЕШЕНЫХ ЗАБЕГОВ ПО КОМНАТАМ

ГЛАВА 1

Баркли Торн знал о грибах почти всё, а известно о них было много.

Он знал, что ядовитые грибы никогда не растут на деревьях. Что от красных в белую крапинку вырастают бородавки между пальцами ног, а белые в красную крапинку бородавки вылечивают, вместе с рубцами и всевозможными прыщами и гнойничками. Он также знал, какие грибы вызывают сонливость или туман в голове, а какие могут буквально убить, если не соблюдать осторожность.

— Почему ты не записываешь? — зашипел Баркли на Селби.

Оба мальчика были учениками высокоуважаемого в их городке грибного фермера, но так как Баркли был старше и умнее, он был в их паре главным. И относился к своей роли очень серьёзно.

— Я н-не могу писать и шагать одновременно, — промямлил Селби, тиская в пальцах перо.

Селби был... одним словом, розовым: розовый нос и розовые щёки делали его похожим на ошипанную курицу, что лишь подчёркивали короткий светлый «ёжик» на голове и коренастая фигура.

Баркли был его полной противоположностью. Несмотря на разницу в три года, он был таким маленьким и худощавым, что Селби грозил перерасти его уже к следующей весне. Тёмные глаза на белом как полотно лице казались чернильными кляксами, а длинные, до плеч, чёрные волосы были зачёсаны по бокам назад и напомажены, чтобы ни единая прядь не выбивалась.

Он не понимал, что такого сложного в том, чтобы писать и шагать одновременно. Едва ли это было сложнее чтения на ходу, а Баркли редко можно было увидеть идущим куда-то без открытой книги в руке.

Двоим ученикам поручили крайне важное задание: найти редкий гриб под названием «траурный сморчок», и для этого они отправились к Лесу.

Именно так, с большой буквы, потому что никакая роща или бор с ним и рядом не стояли. Лес был таким огромным, что не помещался ни на одной карте, и таким опасным, что даже самые отчаянные искатели приключений не осмеливались его исследовать. Его бескрайная чаща исполинской тенью подступала к их городу с запада.

Серые деревья по его краю внушали ужас одним своим видом: будто измятые и погнутые безжалостной рукой гиганта стволы и тянущиеся к пасмурному небу, как когтистые лапы, ветви. Здесь царил гнетущая тишина, нарушаемая лишь шорохом устилавших землю листьев да хрустом сучков под ногами. Сейчас была самая пора сбора траурных сморчков, тот короткий промежуток времени, когда листья уже все облетели, но первый снег ещё не выпал.

Селби запнулся о корень и врезался Баркли в спину.

— Писать и шагать одновременно было бы намного проще, если бы ты не оглядывался постоянно через плечо, — проворчал Баркли.

— Но мы уже так близко. А ты знаешь, что мастер Пилцманн скажет, если...

— Мы не в Лесу. И до города рукой подать, — указал Баркли себе за спину, на их маленький городок на холме за каменной стеной, оцетившейся копьями, как огромный колючий куст. Добродушию жители Занудшира, похоже, тоже учились у колючек. Любые проявления лени здесь строго карались, так что одна даже идея вздремнуть днём считалась возмутительной. Всех гостей принимали в штыки, ведь это могли быть сборщики налогов, циркачи, а то и ещё кто похуже — чудологи.

Единственное, что жители Занудшира любили, так это правила. Но насчёт Леса правило было всего одно.

Никогда и ни при каких обстоятельствах в него не заходить.

Потому что Лес заморочит тебе голову при первой же возможности и заведёт в такую глубокую чащу, что ты уже никогда не найдёшь дорогу назад.

А в чаще Леса обитали чудища.

Но Баркли был послушным учеником, и у него и в мыслях не было нарушать самое главное правило Занудшира, и уж точно не после всех тех неприятностей, что принесло ему нарушение многих других, не столь важных. Он пришёл сюда с одной целью — найти траурный сморчок. С помощью Селби или без неё, но он это сделает.

Баркли искренне недоумевал, зачем мастер Пилцманн настоял на том, чтобы Селби пошёл с ним, не говоря уже о том, зачем он в принципе взял себе второго ученика. Занудшир не нуждался в двух грибных фермерах. Когда мастер Пилцманн уйдёт на покой, его место займёт Баркли, и никак не Селби.

Потому что Баркли из кожи вон лез, чтобы быть идеальным учеником: он аккуратным почерком вёл подробные записи, зазубрил все виды грибов из всех девяти томов «Грибной энциклопедии грибника». Сам мастер Пилцманн называл его

самым трудолюбивым мальчиком за всю историю Занудшира.

Именно поэтому Баркли не желал возвращаться с пустыми руками. Ему необходимо было доказать своему мастеру, что одного ученика более чем достаточно.

— Я не собираюсь возвращаться. Ещё рано, — заявил Баркли, решительно шагая к кромке деревьев.

Селби заскулил, но поплёлся следом.

Как старший ученик, Баркли должен был не только учить Селби, но и поддерживать его и утешать. Селби ещё никогда не бывал рядом с Лесом, и даже Баркли, несмотря на ведь его опыт, слегка пугали эти искорёженные деревья.

Но ему никак не удавалось проникнуться к младшему мальчику симпатией. У Селби была куча братьев и сестёр, которые его любили. Родители, которые о нём заботились. Своя комната в доме. Тогда как у Баркли ничего этого не было. Точнее, была комната, пока мастер Пилцманн не подселил к нему Селби.

В Занудшире не было детского дома. Хочешь ужин на столе и кровать на ночь? Работай. Вот Баркли всю свою недолгую жизнь и работал. Расставлял возвращённые книги в библиотеке, записывал новые правила под диктовку законодателей, доставлял новые копыя стражникам. И хотя он был

старательным во всём, когда ему пришлось время выбирать, к какому мастеру пойти в ученики, ни у кого в Занудшире не нашлось для него места. Будущее собственных детей волновало их куда больше, чем судьба жалкого сироты, вечно нарушающего правила.

Тогда Баркли постучался в дверь мастера Пилцманна и попросился к нему в ученики, прекрасно зная, что никто в городе не хочет себе такую работу. Мастер Пилцманн отказался, и так повторялось снова и снова. Но Баркли продолжал приходить, пока наконец не переупрямил старика.

И два года всё шло хорошо, а затем объявился Селби. И хотя он и сейчас при первом же удобном случае ударялся в слёзы и бежал домой, мастер Пилцманн его так и не прогнал.

— Скоро стемнеет, — заныл Селби.

— До темноты ещё несколько часов, — возразил Баркли.

— Мне холодно.

— Сейчас зима. Чего ты ожидал?

— Я есть хочу.

— А как же обед?

— Я отдал его Густаву.

Густавом звали свинью мастера Пилцманна, натренированную вынюхивать в земле ценные трюфели. Обычно Густав сопровождал мальчиков в подобные вылазки, но за последний год свинья

загадочным образом разжирела, и весь этот лиш-
ний вес быстро её утомлял. Поэтому сейчас она
целыми днями дремала у камина.

— Так это ты кормишь Густава? — Баркли про-
вёл по лицу рукой. Загадка ожирения свиньи была
раскрыта, а он в очередной раз убедился, что во
всех его проблемах был виноват Селби.

— Я не люблю грибы! — пожаловался Селби. —
Они склизкие и на вкус как грязь!

Баркли ушам своим не поверил.

— Тогда зачем ты здесь?! — сорвался с его язы-
ка вопрос, что мучил его целую вечность. В его воз-
гласе было немало личной обиды — он сам очень
любил грибы.

Розовое лицо Селби ещё пуще порозовело, и он
разрыдался.

— Мама сказала, что это достойная профессия.

На секунду Баркли даже стало его жаль: кто же
взваливает такую ответственность на восьмилет-
него мальчика?

Но ему нельзя было отвлекаться. Он хотел оста-
ться учеником, и ему некогда было жалеть кого-то ещё,
кроме себя. Эта работа гарантировала ему место
в Занудшире, а каким бы захолустным, отсталым
и помешанным на правилах он ни был, это был его
родной город. Баркли никогда его не покинет.

Когда Баркли был ещё совсем маленьким, пока
ещё были живы родители, он мечтал о приключе-

ниях. Часами воображал себе мир за колючими стенами Занудшира, другие города и королевства в далёких землях по другую сторону Леса.

Но его родители любили Занудшир, и они бы не желали своему единственному ребёнку жизни, полной неопределённости и опасностей. Поэтому Баркли решил не идти против их воли и постарался забыть о жажде приключений, сконцентрировавшись вместо этого на том, чтобы остаться на родине. И стать здесь своим.

Баркли мысленно вернулся к поискам сморчка, и следующие несколько минут прошли в тишине, не считая перестука зубов, шмыганья и урчания в животе Селби.

Заметив похожий гриб, Баркли остановился и опустился на колени, чтобы лучше его рассмотреть. Внезапно Селби хлопнул его по плечу:

— Смотри! Смотри!

Баркли отмахнулся и, достав тетрадь грибника, сравнил рисунок с грибом перед собой. Мальчик нахмурился. Ему нужна была ярко-красная шляпка, а у этого она была тёмно-красной. Сбор грибов — наука очень точная.

Однако он всё равно выкопал его и положил в корзинку.

«Ну вот опять», — рассердился на себя Баркли, глядя на забившуюся под ногти грязь. Мастер Пилцманн не выносил, что он всегда приходил

домой весь перепачканный и что его волосы начинали напоминать гнездо через считанные часы после причёсывания.

— Повторяй за мной, — не уставал цитировать мастер Пилцманн свод законов Занудшира. — «Запрещена грязь во всех её проявлениях — никаких пятен, никакой вони, никаких неприличных выражений. Чистота — есть порядок».

— Баркли! — взвизгнул Селби, и Баркли наконец поднялся и развернулся.

Трава между ними и Занудширом ожила: между стеблями светились белым дюжины — нет, сотни — пар крошечных глаз.

Ковёр из листьев под ногами мальчиков задрожал и пошёл волнами из-за пробегающих под ним существ. Селби запрыгал с ноги на ногу, как будто стоял на раскалённых углях, и завыл:

— Баркли-и-и-и-и-и!

Но Баркли не шевелился, его взор приковало к себе сидящее на камне существо, похожее на мышь, только без хвоста и с шестью закрученными в спирали шипами на спине.

Ему уже приходилось видеть чудищ. Осенью особенно сильные порывы ветра иногда выдували из Леса мерцающих насекомых, от чьих укусов кожа отекала и зеленела. Однажды он заметил стаю летящих клином крылатых монстров, направляющихся в тёплые края на

